

НЕИЗВЕСТНЫЕ ВЯЗНИКИ

О ЧЁМ ПИСАЛИ ГАЗЕТЫ,
НО НЕ РАССКАЖУТ НА ЭКСКУРСИЯХ

Коллектив авторов

**Неизвестные Вязники. О
чем писали газеты, но не
расскажут на экскурсиях**

«Издательские решения»

Коллектив авторов

Неизвестные Вязники. О чем писали газеты, но не расскажут на экскурсиях / Коллектив авторов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-833809-0

В книге обобщены публикации из вязниковских газет в период с 1996 по начало 2016 г.: «Районка, 21 век», «Новая вязниковская газета плюс» («НВГ плюс»), «Маяк», а также сайта www.vyazniki.ru (Вязники.Ру). Статья «Когда под Вязниками бродили динозавры» была опубликована в областной газете «Призыв».

ISBN 978-5-44-833809-0

© Коллектив авторов
© Издательские решения

Содержание

Любознательный читатель!	6
Друзья!	8
От редактора-составителя	10
Как читать эту книгу	11
Глава 1. Открывая тайны прошлого	13
1.1. Когда под Вязниками бродили динозавры	13
1.2. Появится ли в Вязниках памятник князю Ярополку?	19
1.3. Летопись, писавшаяся неподалёку от Мстёры	25
1.4. Увяз ли в наших местах Кий?	32
1.5. «Хозяин Вязников» трижды	36
1.6. Вязники в конце Смутного времени	41
1.7. Кто плывал по Клязьме мимо Вязников 370 лет назад	46
1.8. Забытый царь, дважды побывавший в Ярополче	50
1.9. Как Ярополч-Залесский был церковной столицей	55
1.10. Зелёный Вяз на жёлтом поле	59
Конец ознакомительного фрагмента.	63

Неизвестные Вязники

О чем писали газеты, но не расскажут на экскурсиях

*По благословению митрополита Владимирского и Суздальского
Евлогия*

*При участии
Департамента культуры
Администрации
Владимирской области*

*При поддержке комитета по туризму Администрации
Владимирской области*

© А. Николаев, дизайн обложки, 2016

© А. Ратников, дизайн обложки, 2016

Редактор-составитель А. А. Ратников

Руководитель проекта Р. В. Кавинов (г. Вязники)

Рецензент К. Е. Балдин, доктор исторических наук, профессор (г. Иваново)

Сайт-презентация книги: www.kniga.vyazniki.ru

ISBN 978-5-4483-3809-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

«Неизвестные Вязники...» делают на редкость известным этот уникальный град, его неповторимую историю и особенно яркие, как свет, имена людей, за которыми сокрыто столько высокой и полезной деятельности, не говоря о церковных служителях, как некой соли, творивших жизнь приятной народу и угодной самому Вседержителю Богу.

Митрополит Владимирский и Суздальский Евлогий

В работе над книгой принимали активное участие:

Н. В. Фролов, журналист, краевед (г. Ковров); Л. Ф. Ковалёва, директор МБУК «Вязниковский историко-художественный музей» (г. Вязники); А. В. Веденеев, гл. редактор газеты «Районка, 21 век» (г. Вязники).

Ряд статей написан известным вязниковским краеведом Д. А. Обидиным (1933—2008 гг.), чьи труды и жизненный опыт вдохновили нас на создание этой книги.

Выражаем благодарность: Департаменту культуры Администрации Владимирской области и лично директору В. С. Зиннатуллиной; комитету по туризму Администрации Владимирской области и лично председателю Н. А. Май, Администрации Вязниковского района и лично главе И. В. Зинину; председателю вязниковской ассоциации жертв политических репрессий Ю. А. Васищеву; А. Н. Китиной (Фатьяновой); директору МБУК «Музей Песни XX века» Л. В. Антоновой; общественнику и краеведу В. Р. Цыплеву; краеведу, учителю истории А. В. Лебедеву; журналисту С. С. Апостолову; краеведу В. В. Борисову.

Любознательный читатель!

Перед вами – книга об одном из русских старинных провинциальных городов. Она состоит из очерков, которые были опубликованы в местных газетах в последние два десятилетия и скомпонованы составителями этой книги по тематическому и хронологическому принципам.

В первом разделе содержатся очерки о самых различных исторических (и доисторических) событиях, которые происходили на Вязниковской земле. Из них мы можем узнать, какие ремёсла и промыслы были развиты в местном крае в Средние века, о крупном вотчиннике края – боярине и князе Мстиславском, который возглавлял правительство под названием «Семибоярщина» и три раза чуть не стал русским царём. В очерках этого раздела вязниковцы предстают перед читателями предприимчивыми торговцами, почитателями театра

и кино, сторонниками технического прогресса. Здесь же представлена тематика минувшей семьдесят с лишним лет назад Отечественной войны: авторы повествуют об аэродроме, который располагался в те годы рядом с районным центром, а также об итальянских военнопленных, содержащихся в лагерях, находившихся на территории района.

Судьбы конкретных людей вызывают особый интерес как у исследователей, так и широкой читательской аудитории. О них идёт речь во втором разделе. Среди персонажей раздела второго перед нами предстают самые разнообразные исторические личности – дворяне-военные, которые защищали родину от врагов в XVIII—XIX столетиях, первый российский посол в Бразилии Балк-Полев из местных помещиков, предприниматели, в том числе из старообрядческой среды, городской голова Вязников В. В. Елизаров, тридцать восемь лет возглавлявший городскую думу и управу – органы местного самоуправления, герои Великой Отечественной войны и другие.

Большой интерес у читателей вызовет, безусловно, раздел под названием «Блокнот туриста». Очерки, включённые в него, представляют собой ориентиры, предназначенные для людей, лёгких на подъём и неравнодушных к красоте природы и туристическим достопримечательностям. Варианты активного отдыха авторы предлагают весьма заманчивые – это берега рек Тары, Тетруха, Суворови. Авторы уверяют, что они не менее живописны, чем широко известная за пределами области Клязьма. Заманчивость этих мест многократно усиливается фотографиями, которые иллюстрируют очерки этого раздела.

В очерках идёт речь о достопримечательностях и исторических личностях не только современного Вязниковского района. В дореволюционный период Вязниковский уезд был значительно больше по площади, чем современный район. Он включал в себя Южский и Палехский районы современной Ивановской области. Именно поэтому в очерках упоминаются такие населённые пункты, как Мордовское, Дорки, Рыло, входящие ныне в соседний регион.

Не являются лишними в книге содержательные приложения. Они предназначены скорее не для массового читателя, а для специалистов или краеведов, которые серьёзно занимаются историей своей «малой родины». Приложения представляют собой ценный справочный материал, в котором можно найти сведения о дворянах и духовенстве края, об их родословных и деятельности, а также о почётных гражданах современного города Вязники.

Книга, безусловно, нацелена на то, чтобы нынешнее поколение вязниковцев не стало «Иванами, родства своего не помнящими», знало и уважало своих предков, живших и работавших во славу Отечества.

*Доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории
России Ивановского государственного университета
К. Е. Балдин*

Друзья!

Перед вами – необычная и, смею надеяться, весьма интересная книга «Неизвестные Вязники. О чём писали газеты, но не расскажут на экскурсиях», изданная вязниковской медиа-группой «Интранить».

В 2016 году фирма «Интранить», позиционирующая себя как первое независимое частное объединение СМИ Вязниковского района (включает популярную газету «Районка, 21 век», первое информационное интернет-издание www.vyazniki.ru «Вязники.Ру, а также единственный, осуществляющий местные информационные выпуски на волнах «Ретро-FM» 104,3 МГц радиоканал «Вязниковское радио»), отмечает своё десятилетие. Не секрет, что в небольших городах масс-медиа – скорее не бизнес, а подвижничество. Люди, создававшие, и реализую-

щие в разные годы проекты компании, и продолжающие делать это по сей день – прежде всего энтузиасты, любящие свой родной край, стремящиеся своим творчеством улучшить окружающее пространство, давать землякам интересную, актуальную, объективную информацию.

Так и данный проект – книга «Неизвестные Вязники...» – был задуман с просветительской целью, с намерением предоставить широкому читателю подробные и доходчивые сведения о малоизвестных или позабытых эпизодах нашего прошлого, богатого на различные события и примечательные личности. В «Неизвестных Вязниках...» мы постарались собрать лучшие материалы о замечательных вязниковцах и о вязниковской истории, которые были опубликованы в течение почти 20 последних лет в местных газетах «Районка, 21 век», «НВГ плюс», «Маяк» или размещались на сайте «Вязники.Ру». Книга призвана не только увлечь своего читателя, но и внести определённый вклад в его духовно-нравственное развитие, способствовать воспитанию патриотизма и любви к своей малой родине. Это творческий подарок к десятилетию «Интранити» – подарок самим себе, нашим любимым читателям и радиослушателям, всем вязниковцам и гостям нашего города, всем, кому интересна история родного края и нашей великой родины – России!

Хочу от души поблагодарить всех, кто участвовал в создании нынешнего издания. В первую очередь, уроженца Вязников, а ныне известного в областном масштабе медиаменеджера Андрея Ратникова, выступившего соавтором концепции данной книги и её фактическим составителем. Нельзя не отметить роль опытного журналиста и краеведа Николая Фролова, материалы которого составили значительную часть «Неизвестных Вязников...». Огромная благодарность всем остальным авторам, чьи статьи вошли в новую книгу: журналистам, краеведам, музейным работникам, сотрудникам учреждений культуры, представителям иных профессий.

Полагаю, что книга станет хорошим подарком для всех, кто неравнодушен к славному прошлому Вязников и Вязниковского края, для читателей различного возраста – от школьников и студентов до ветеранов, для коренных вязниковцев и для гостей нашего замечательного города. Надеюсь, что данное издание будет своеобразным открытием и для людей, которые рассматривают наш край как место для организации своего отдыха или изучения истории российской глубинки. Вязники богаты не только своими природными и архитектурными памятниками, они неразрывно связаны с историей нашей великой многонациональной страны, насыщены уникальной российской энергетикой и таят в себе ещё немало неразгаданных тайн.

А мы постараемся и впредь радовать земляков новыми интересными изданиями, в том числе историко-краеведческой направленности, потому что всё об удивительных и неповторимых Вязниках ни в одной, даже в самой объёмной и насыщенной книге, рассказать невозможно!

Руководитель проекта Роман Кавинов

От редактора-составителя

Весь 2015 год, когда проходила работа над книгой, меня не покидала мысль о силе и ответственности стереотипов и устоявшихся клише. Со школьных лет мы помним о 22 вязниковцах – героях Великой Отечественной войны, знаем о земляках А. И. Фатьянове и В. Н. Кубасове, что-то слышали о Казанском соборе в центре города, который был уничтожен в 1930-е годы. Но откуда «взялись» эти герои, почему именно в Вязниковском районе родился поэт А. И. Фатьянов... а Владимирская православная епархия раньше именовалась Владимирской и Яропольской (Ярополч – предтеча Вязников)? Лишь немногие знают о вязниковцах — героях Отечественной войны 1812 года или Крымской войны 1853—1856 годов; о старообрядческой общине, выходцами из которой были почти все вязниковские купцы и промышленники, в т. ч. и Фатьяновы; или о том, что епископом Владимирским и Яропольским в середине XVIII в. являлся Антоний I – бывший католикос Грузии.

Наши представления о прошлом и настоящем малой родины порой связаны с несколькими историческими личностями, парой заученных дат и вдоволь проиллюстрированы неприглядными картинками сегодняшних Вязников с их текущими бытовыми проблемами. Как следствие – мы не понимаем, почему мы такие, какие есть и почему не можем (или можем!) поступать по-другому в будущем. Книга, которую вы держите в руках, – попытка обобщить самые интересные из увидевших свет за последние 20 лет краеведческие публикации в периодике, дать читателю повод поразмышлять, побудить к поиску причинно-следственных связей между событиями разных лет и помочь избавиться от стереотипов.

Особенно радуюсь за тех, кто с этой книгой будет впервые открывать для себя Вязники. Если вы ещё не были здесь, обязательно побывайте! Но не спешите идти по известным туристическим маршрутам, загляните на городскую Соборную площадь, вспомните о том, что вам больше всего запомнилось в книге, закройте глаза... сделайте глубокий вдох. И не умом, а каким-то иным чувством вы поймёте, почему этот край был таким притягательным для представителей молодой династии Романовых, откуда черпали силы тысячи наших земляков, волей судьбы оказавшиеся в разных уголках мира, добившись успехов в науке, культуре, служении вере и Отечеству. Приятного чтения!

Андрей Ратников

Как читать эту книгу

Книга состоит из четырёх глав и пяти приложений. В первой главе обобщены публикации об исторических событиях, вторая посвящена малоизвестным широкому кругу персоналиям, непосредственно связанным с Вязниковским краем. Публикации в обеих главах выстроены в хронологическом порядке по мере развития описываемых в них событий: от древнейших времён до 50-х годов XX века. Авторы книги считают, что более поздний период не может быть оценен историками, краеведами, журналистами и в целом обществом объективно. Исключением является Приложение №4, в котором обобщены краткие сведения о Почётных гражданах г. Вязники по состоянию на 01 января 2016 г. Заслуги этих людей перед Вязниками очевидны.

В основе третьей главы «Откуда мы, вязниковцы?» лежат уникальные материалы о вязниковских сословиях начала XX века, которые были опубликованы Д. А. Обидиным в газете «НВГ плюс». Возможно, именно эта глава будет особенно интересна нашим землякам.

Специально для гостей города Вязники и Вязниковского района в книге выделена четвёртая глава «Блокнот туриста». В ней собраны публикации о малоизвестных фактах, связанных с историческими и природными достопримечательностями нашего края.

Для удобства и дополнительной иллюстрации книги создана интерактивная [Google-карта](#). Читая по порядку главу «Блокнот туриста», вы будете передвигаться по ней от Москвы к Нижнему Новгороду. Вместе с вязниковскими достопримечательностями на карту также нанесены заслуживающие внимания гостей города вязниковские музеи. Краткое их описание, а также контакты для связи с ними читатель найдёт в Приложении №5. Ссылка на карту также доступна в соцсетях:

<https://www.facebook.com/unkvyaz>

<https://vk.com/unkvyaz>

<https://ok.ru/unkvyaz>

В Приложениях к книге №1—3 размещены справочные материалы, подготовленные журналистом и краеведом Н. В. Фроловым, о вязниковских представителях двух высших сосло-

вий – дворянства и духовенства в период XVIII – начала XX века. Сведения из Приложений №2—3 публикуются впервые.

Книга не ставит перед собой цели охватить все исторические периоды, рассказать обо всех выдающихся вязниковцах, памятных вязниковских местах, датах и событиях. Скорее наоборот, наш приоритет – начать обобщать малоизвестный материал, который раньше не упоминался в книжных изданиях. Или упоминался, но без ссылок на первоисточник – в первую очередь, на газету «Районка, 21 век» и сайт *Вязники.Ру*.

Одна из особенностей книги – её интерактивность. Книга снабжена QR-кодами, которые легко читаются всеми современными мобильными устройствами с помощью многочисленных программ. Их можно скачать в iTunes и Google Play. Отсканировав код и пройдя по ссылке, читатель может получить дополнительную информацию к той или иной публикации.

Замечания и отзывы по книге просим размещать в аккаунтах в соцсетях или присылать по электронной почте: kniga@vyazniki.ru

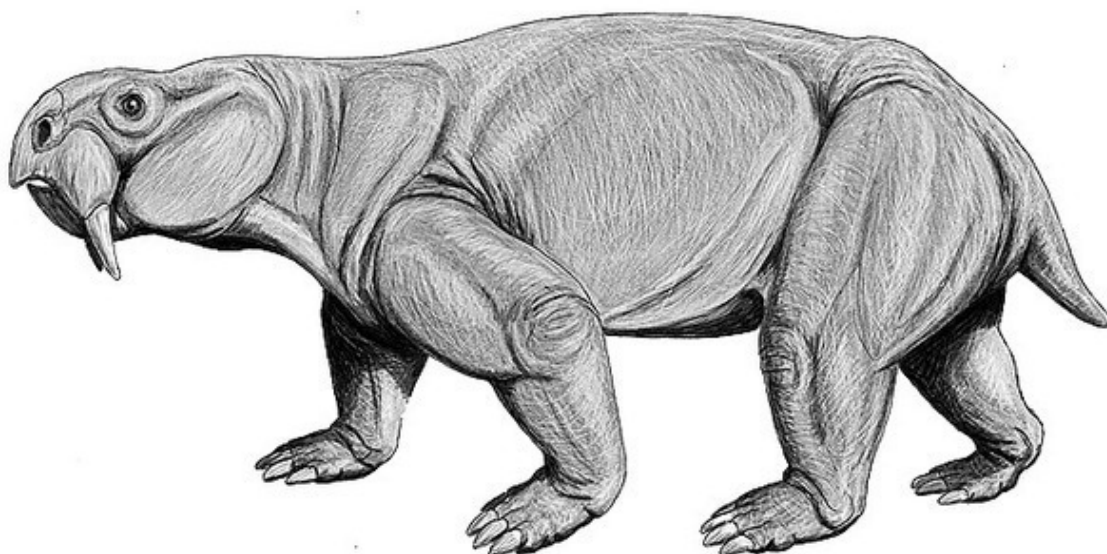
По вопросам приобретения книги необходимо обращаться в объединённую редакцию СМИ ООО «Интранить». Адрес и контактные номера телефонов указаны в конце книги в статье «Об издателе».

Сайт-презентация книги: www.kniga.vyazniki.ru.

Глава 1. Открывая тайны прошлого

1.1. Когда под Вязниками бродили динозавры

В Вязниках нынешней осенью (2013 г. – примеч. ред.) работала российско-польская научная палеонтологическая экспедиция, организованная Палеонтологическим институтом (сокращённо – ПИН) им. А. А. Борисяка Российской академии наук. Экспедицию возглавлял старший научный сотрудник ПИН РАН Андрей Сенников, выпускник МГУ имени Ломоносова, опытный исследователь, кандидат биологических наук, автор примерно 150 публикаций и 7 монографий.

Так мог выглядеть Дицинодонт

Трагедия учёного

Однако нынешний визит учёных-палеонтологов на вязниковскую землю был далеко не первый. Начало изучения останков ископаемых животных в окрестностях Вязников, в том числе костных останков позвоночных, относится ещё к 1950-м годам, и эта страница отечественной науки связана с замечательным учёным Борисом Павловичем Вьюшковым – учеником выдающегося учёного-палеонтолога и популярного писателя-фантаста Ивана Антоновича Ефремова. Именно Ефремов и Вьюшков в 1955 году издали знаменитый каталог местонахождений пермских и триасовых наземных позвоночных (соответственно последнего геологического периода палеозойской эры и первого периода мезозойской эры), который по сию пору остаётся настольной книгой для каждого специалиста.

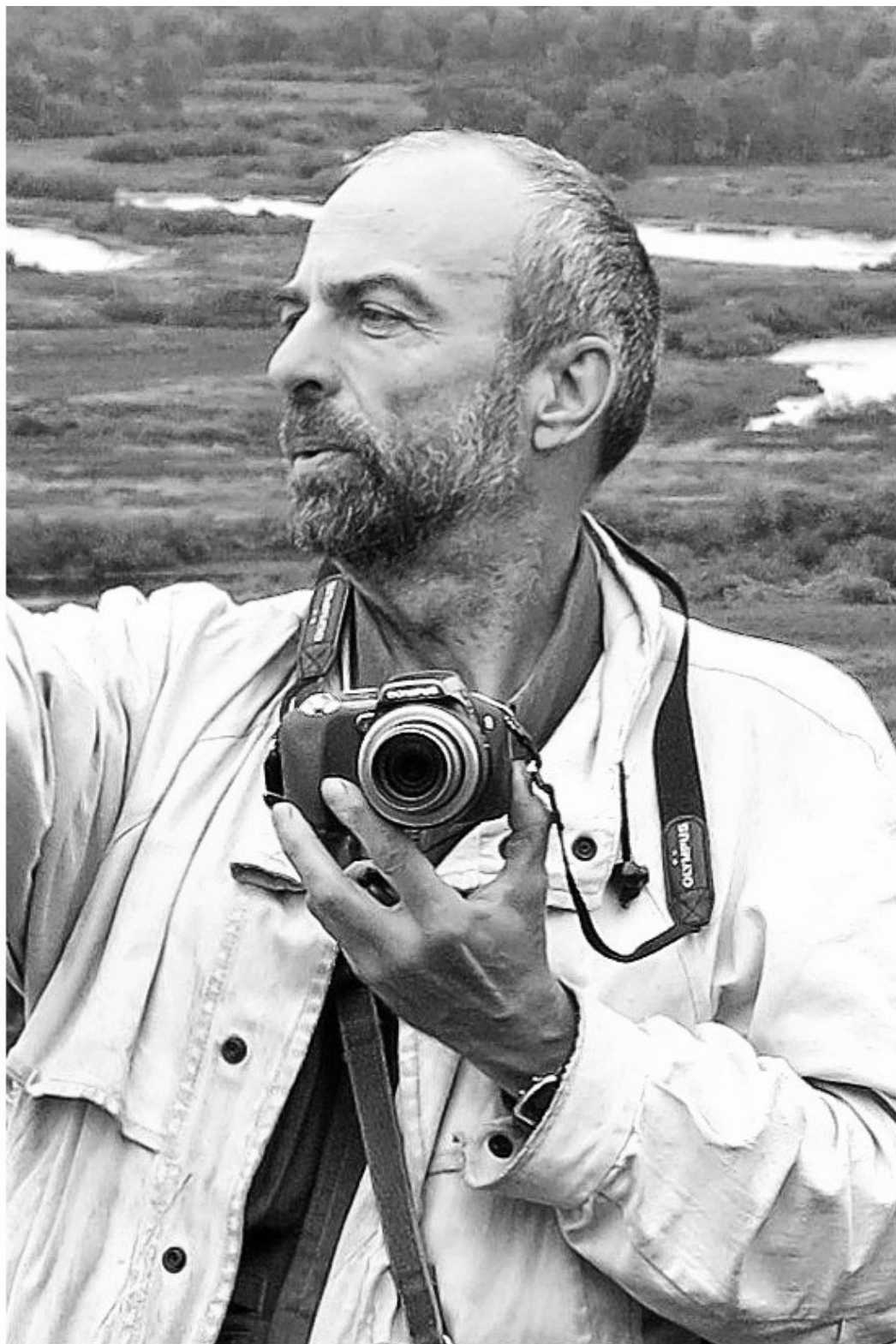
О Вьюшкове до сих пор рассказывают легенды. Инициативный, преданный науке до фанатизма, он был готов выехать немедленно в любую точку страны, откуда поступило сообщение о новой находке древних позвоночных. Едва ли не единственный из советских и российских палеонтологов, он раскапывал одно из подобных перспективных мест... зимой, вырывая тайны далёкого прошлого в буквальном смысле из-под снежных сугробов. Спешка же потребовалась из-за реальной угрозы того, что ценные находки весной погибнут в пучине половодья.

В окрестностях Вязников Борис Вьюшков работал в 1952, 1956 и 1957 годах. Он провёл раскопки поблизости от городской окраины и обнаружил удивительный материал, в том числе собрал представительную коллекцию костных останков позвоночных. Обнаруженное им сообщество фауны оказалось очень необычным, отражающим начало великой перестройки органического мира на рубеже перми и триаса. Вьюшков нашёл остатки различных видов тетрапод – древнейших четвероногих позвоночных. Этих, а также многих других находок, которые сделал Вьюшков, с лихвой хватило бы на несколько диссертаций. Однако защититься учёный так и не успел. Энтузиаст науки, он всю жизнь не имел своего угла, ночевал на вокзалах и даже в палеонтологическом музее! Лишь в последние годы научный сотрудник ПИНа получил, наконец, койку в общежитии.

В 1958 году Вьюшков погиб в Москве при невыясненных обстоятельствах. В мае он отмечал праздник в кругу знакомых в кафе. Там начался конфликт с другими посетителями. Приехавшая милиция забрала в отделение и правых и виноватых. Из здания милиции учёный больше не вышел. По официальной версии, он выбросился в лестничный пролёт и разбился насмерть. Ему было всего 32 года. Имелось и иное неформальное объяснение гибели Бориса Вьюшкова: его изувечили и до смерти избили сотрудники милиции. «На его лицо страшно было смотреть, лежавший на нём грим ничего не мог скрыть. И кажется, всё было понятно. Насколько я знаю, никакого расследования обстоятельств гибели Вьюшкова не было», – рассказывал один из участников похорон исследователя.

Новое старое открытие

После гибели Вьюшкова исследователям долгое время не удавалось найти в окрестностях Вязников те же образцы, какие посчастливилось обнаружить Борису Павловичу. Лишь в 1999 году Андрей Сенников фактически переоткрыл одно из местонахождений Вьюшкова, которое оказалось в карьере на северо-западной окраине Вязников между собственно городом и деревней Быковкой напротив посёлка Соковка.

Палеонтолог Андрей Сенников

В 2003-м Сенникову вместе с коллегами по ПИН РАН старшими научными сотрудниками лаборатории палеогерпетологии Владимиром Константиновичем Голубевым и Валерием Викторовичем Булановым удалось открыть заново ещё одно вьюшковское местонахождение в коротком глубоком овраге между Вязниками и Быковским карьером.

Череп древнейшего текодонта *Archosaurus rossicus*

Если в каталоге 1955 года Ефремова – Вьюшкова оба этих места находок древних обитателей нынешнего Вязниковского края именовались «Вязники-2», то теперь они получили куда более «говорящие», точнее, даже наводящие названия «Быковка» и «Соковка», причём второе местонахождение оказалось куда более богатым на костные остатки тетраподов и иные находки – раковины ракообразных и чешую рыб, живших в пермском периоде (продолжался около 47 миллионов лет с примерно от 299 до 252 миллионов лет назад) и в начале триаса – следующего после пермского геологического периода (продолжался ещё около 51 миллиона лет).

Щука пермского периода

Как рассказал Андрей Сенников, во время нынешней очень продуктивной экспедиции, когда работы велись от деревни Быковка на западной окраине Вязников до деревни Федурники на старой нижегородской трассе, примерно в километре от восточной окраины города, в слоях пермского периода удалось обнаружить останки архозавров – древнейших ископаемых ящеров. Уникальность подобной находки состоит в том, что прежде считалось, что архозавры появились лишь в триасовом периоде.

Помимо многочисленных костей тетрапод учёные обнаружили множество крупных чешуй древних палеонискоидных рыб и плавниковые шипы акул. Ценной находкой стала челюсть заурихтиса – древней, сильно удлинённой хищной рыбы с очень длинным ростром и крупными зубами, наподобие современной щуки. Заурихтис среди прочей пищи употреблял даже птерозавров, их окаменевшие остатки находили в желудках этих рыб. При этом заурихтисы ранее были известны почти исключительно из триаса, в более древних отложениях их удалось обнаружить пока только в Вязниках.

Еще вязниковская экспедиция 2013 года сделала несколько проб для исследования микрофауны. Есть основания полагать, что в этих пробах удастся обнаружить новые виды древних насекомых, что может стать ещё одной научной сенсацией с вязниковской «пропиской».

Трофеи экспедиции – плечевая кость динозавра

Андрей Сенников оценил результаты сентябрьских исследований как «очень важные». Находки теперь будут долго изучать, по результатам исследований будет опубликовано несколько научных статей, возможно, появятся и новые монографии.

При всей значимости даже предварительных итогов нынешней палеонтологической экспедиции нельзя не сожалеть о том, что её работа прошла слишком тихо и незаметно даже для вязниковцев. Вполне реально было бы привлечь туда местных школьников, хотя бы на экскурсию, провести встречи с учёными высокого уровня с целью популяризации палеонтологии. Не исключено, что кто-то из юных вязниковцев «загорелся» бы этой увлекательной наукой.

«Сам я занимался в кружке в Палеонтологическом институте и понимаю, что очень важно, чтобы был ресурс молодых людей для развития науки, а если они не узнают про палеонтологию, не увлекутся в школьные, студенческие годы, конечно, у нас не будет ресурса новых специалистов. Даже если они не выучатся, не станут палеонтологами, приобретут другую профессию – в любом случае это будет полезно для них и интересно», – считает Сенников. Теперь вязниковцам остаётся ждать нового шанса, для того чтобы приобщиться к высокой науке.

Не исключено, что палеонтологи вновь вернуться на раскопки в Вязниковский район, тем более что программу работ текущего года пришлось в некоторой части свернуть, так как сентябрьские дожди в сочетании с почти ноябрьскими холодами создали палеонтологам массу проблем. К тому же весьма возможно, что в 2015 году в Вязники приедут участники московского международного геологического конгресса, для того чтобы посмотреть на прародину древних тетрапод.

Николай ФРОЛОВ

Газета «Призыв», №38 (27035) от 9 октября 2013 г., сайт Вязники.Ру

Фото с сайта <http://www.paleo.ru>

(автор Андрей Сенников)

Подробнее:

Геологический конгресс, о котором упоминается в статье Н. Фролова, действительно прошёл в 2015 году, но не в Москве, а в Казани. К сожалению, оргкомитет принял другой план экскурсии по континентальным пермо-триасовым отложениям, и в Вязники учёные не поехали. И это очень хорошо! Пусть наш город сохранит свои неразгаданные тайны для будущих поколений исследователей.

Прямые ссылки на скачивание научных статей о «вязниковских» динозаврах:

1. А. Г. Сенников, В. К. Голубев «Вязниковская фауна: черты экологического кризиса».

<http://vyazniki.ru/kniga/Dino1.pdf>

2. А. В. Миних, М. Г. Миних, С. О. Андрушкевич «Ихтиофауна терминальной перми в окрестностях г. Вязники Владимирской области».

<http://vyazniki.ru/kniga/Dino2.pdf>

1.2. Появится ли в Вязниках памятник князю Ярополку?

К числу древнейших городов Древней Руси и нашего Залесского края относится Ярополч-Залесский, возникший в XII столетии как крепость в нижнем течении Клязьмы между Стародубом и Гороховцом. Ярополч был уничтожен во время Батыева нашествия, потом родился заново уже на другом месте и в итоге оказался в пределах уже третьего по счёту города в тех местах – Вязники. Кто же был основателем самого первого Ярополча? Казалось бы, ответ прост: конечно, князь Ярополк!

Ярополч Залесский с птичьего полёта. Наши дни.
Фото В. Петренко

В течение многих лет считалось незыблемой истиной, что основателем Ярополча был великий князь Киевский Ярополк II Владимирович – сын Владимира Мономаха и старший брат Юрия Долгорукого. Этой версии, в частности, придерживалась профессор Мария Седова, известный археолог, проводившая раскопки древнего Ярополча.

А вот недавно скончавшийся маститый вязниковский краевед Лев Аносов считал, что Ярополч основал князь Ярополк Изяславич – сын великого князя Киевского Изяслава Ярославича и внук Ярослава Мудрого. Основанием для подобной гипотезы стала находка во время раскопок на территории бывшего Ярополча печати с именем Ирины, а именно так звали супругу Ярополка Изяславича.

Князь Ярополк Изяславич

Впрочем, Ирин среди княгинь было немало, а вот Ярополч потому и назывался Залесский, что входил в состав так называемой Залесской земли, которую первым получил Всеволод Ярославич – один из младших сыновей Ярослава Мудрого, брат Изяслава и дядя Ярополка Изяславича. От Всеволода Залесье перешло к сыну Владимиру Мономаху, а потом им владели

его внуки Ярополк Владимирович и Юрий Долгорукий. Князья именно этой ветви Рюриковичей, сыновья Долгорукого Андрей Боголюбский и Всеволод Большое Гнездо основали Владимирское княжество, сделав его сильнейшим на Руси.

Что же касается Ярополка Изяславича, двоюродного брата Владимира Мономаха, то после гибели своего отца в 1078 году в одном из междоусобных сражений на Нежатиной Ниве под Черниговом, он правил в Волынском и Турово-Пинском княжестве (на территории нынешней Западной Украины), постоянно воевал с соседями и в 1086-м во время очередной усобицы был убит своим дружинником, которого, очевидно, подкупили враги князя. Скорее всего, в Залесской Руси этот Ярополк, которого, кстати, Православная Церковь причислила к лику святых вследствие мученической кончины, вообще никогда не бывал, и уж, тем более, никаких городов тут не основывал.

Таким образом, иных кандидатов в основатели Ярополча Залесского, кроме как Ярополка Владимировича, нет. Кем же он был, Ярополк, второй великий князь Киевский этого имени?

Имя Ярополк среди правящей княжеской династии было традиционным, но несчастливым. Великий князь Ярополк I Святославич, старший сын и наследник знаменитого Святослава Игоревича (который писал врагам: «Иду на вы», захватил Болгарское царство и воевал с императором Византии) погиб в борьбе с младшим единокровным братом Владимиром – будущим Красное Солнышко, Крестителем и Святым. О печальной участи правнука Владимира Святославича князя Ярополка Изяславича уже говорилось выше. Позже известен и ещё один трагически несчастливый Ярополк – внук Юрия Долгорукого князь Ярополк Ростиславич, после убийства в 1174 году захвативший Владимир, но вскоре изгнанный оттуда и погибший в братоубийственной войне.

Великий князь Ярополк II Владимирович

Ярополк II Владимирович среди всех этих плохо кончивших тѣзок оказался, пожалуй, самым успешным, хотя бы уже потому, что не был убит, а умер своей смертью. Родился он в 1082 году в Чернигове, где тогда временно правил его отец. В 1114 году в возрасте 31 года Ярополк стал удельным князем, получив от отца Владимира Мономаха, тогда уже великого князя Киевского, город Переяславль-Русский. В качестве переяславского князя Ярополк часто возглавлял не только свою дружину, но и киевское войско в походах против нападавших на Русь кочевников-половцев и в междоусобных войнах.

В 1125 году умер Владимир Мономах, и новым великим князем Киевским стал старший брат Ярополка Мстислав Великий. Но в 1132-м Мстислав тоже умер, и по старшинству великое княжение перешло уже к самому Ярополку, которому к тому времени уже было почти 50 лет – по меркам XII века это считалось почти старческим возрастом, так как средняя продолжительность жизни тогда была невелика.

Имея репутацию смелого воина и талантливого полководца, Ярополк II в качестве великого князя Киевского оказался никудышным политиком. Ему не удалось поставить под свою волю даже ближайших родственников. Ярополку не подчинились его младшие братья Вячеслав, Юрий (будущий Долгорукий) и Андрей, затеявшие усобицу с сыновьями умершего старшего брата Мстислава. К тому же ресурсы киевского князя к тому времени уже были не столь велики, как прежде – шёл процесс распада единого государства на почти независимые княжества. Поэтому Ярополк II уже не мог смирить строптивых родичей силой и был вынужден вести бесконечные переговоры.

Видя раздоры в стане потомков Мономаха, против них выступили их извечные противники князя Ольговичи – потомки князя Черниговского Олега Святославича. На сторону Ольговичей перешёл и один из сыновей Мстислава Великого Изяслав. И хотя Ярополк II сумел помириться с племянником, Ольговичи, призвав на помощь половцев, начали громить окрестности Киева.

Для того чтобы усилить свои позиции, великий князь отдал расположенный по соседству с Киевом Переяславль брату Юрию Долгорукому, взяв взамен часть Залесской Руси с Ростовом и Суздаlem. Это произошло в 1135 году. Очевидно, именно в ту пору и был основан новый город на восточных рубежах Ростово-Суздальского княжества, получивший имя в честь владельца Северного Залесья великого князя Киевского Ярополка Владимировича. Скорее всего, сам Ярополк в основании города Ярополча Залесского не участвовал, так как война с Ольговичами продолжалась. В том же 1135 году Ярополк Владимирович, выступивший против Ольговичей и половцев со своим войском, был разбит на реке Супое и был вынужден отдать князю Всеволоду Ольговичу город Курск и Посемье.

Но поражение Ярополка не на шутку встревожило его воинственных родственников. Они желали ослабления брата и дяди, но торжества Ольговичей не хотели. В 1138 году Ярополк II собрал огромное войско, в которое помимо сил Киевского княжества вошли дружины его брата Юрия Долгорукого, князей из Смоленска и Полоцка, отряды из Ростово-Суздальской земли и Галича, а также 30-тысячный контингент от короля Венгрии Белы II. Воинство Ярополка вторглось в Черниговское княжество Ольговичей и осадило его столицу Чернигов. В 1139 году был заключён мир, Ольговичи покорились великому князю.

Юрий Долгорукий у стен Владимира. С картины художника Виктора Тормосова

Но к тому времени дни Ярополка II оказались сочтены. Волнения военных лет и тяготы походной жизни окончательно подорвали его здоровье. 18 февраля 1139 года великий князь Ярополк Владимирович скончался в 57-летнем возрасте, передав Киевское княжение следующему по старшинству брату Вячеславу Владимировичу.

Так как сыновей Ярополк не оставил, Залесская Русь вернулась под власть Юрия Долгорукого. А город Ярополч-Залесский остался напоминанием о недолгом владычестве в этом краю позже прочно забытого князя Ярополка. Позабыть его жителям Северо-Восточной Руси было немудрено: Ярополк II в тех местах бывал или очень мало, или даже совсем не бывал, в качестве великого князя правил недолго, а Залесьем владел и того меньше – три с небольшим года.

Но честь основания Ярополча принадлежит всё-таки именно ему, и по большому счёту Ярополк II в длинной череде князей Киевской Руси – далеко не самый плохой правитель. Он отважно защищал страну от внешних врагов, сам водил полки в бой, не совершил никаких злодеяний, ни покушался на права родственников-князей, никого из них не убил и не отправил в темницу. Будучи смелым рубакой, в междоусобных конфликтах он всегда предпочитал мечу переговоры и в конце своей жизни сумел-таки возродить державу предков.

Ярополк II в целом выглядит куда более достойным человеком и князем, нежели вечный смутьян и инициатор усобиц Юрий Долгорукий, ставший родоначальником династии великих князей Владимирских, а потом и Московских, и потому посмертно прославленный. И возможно, в Вязниках когда-нибудь ещё появится памятник князю Ярополку, основавшему первый город в пределах нынешней «песенной столицы России».

Николай ФРОЛОВ

«Районка, 21 век», №30 (247) от 21 августа 2015 г.

1.3. Летопись, писавшаяся неподалёку от Мстёры

Летописи – один из важнейших источников информации о событиях минувших столетий. Но сохранилось их сравнительно немного, поэтому каждая средневековая летопись сегодня представляет огромную ценность. К их числу относится и рукопись, получившая условное название Летописец Владимирский, так как она велась в нашем Владимирском крае. Есть у неё и другое наименование – Летописец Кривоборского – по прозванию бывшего владельца князя Кривоборского, потомка князей Стародубских и Всеволода Большое Гнездо. Выявил и ввёл в научный оборот эту летопись археограф, историк, собиратель рукописей и русских древностей граф Алексей Иванович Мусин-Пушкин, тот самый, который открыл бессмертное «Слово о полку Игореве». А вот данные о судьбе последнего владельца князя Мирона Кривоборского установил известный мстёрский краевед и книгоиздатель Иван Александрович Гольшев. И не случайно, так как могила князя находилась на границе Вязниковского и Ковровского уездов.

Летописи – один из важнейших источников отечественной истории

Герб князей Кривоборских-Стародубских

В Летописце Кривоборского события доведены от времён Киевской Руси до 1523 года, и он до сих пор имеет большое научное значение, так как ряд фактов и дат, приведённых там, уникальны и не повторяются в других летописях. Установлено, что Летописец Кривоборского принадлежал князьям Кривоборским вплоть до начала XVII столетия. Родоначальником этой ветви стародубской княжеской династии стал удельный князь Иван Фёдорович Кривоборский,

правнук воеводы полка правой руки в Куликовской битве князя Андрея Фёдоровича Стародубского. Вотчины Кривоборских находились между нынешними Вязниками и Ковровом, а также на Вологодчине и Белозерье.

В конце XVI века наиболее известным представителем этой фамилии был правнук князя Ивана Фёдоровича князь Фёдор Иванович Кривоборский, воевода в правление царей Ивана Грозного, его сына Фёдора I и Бориса Годунова. После того как в 1580 году в городке Сокол в Белоруссии в бою с поляками погиб его брат Василий Меньшой Кривоборский, князь Фёдор остался последним в своём поколении. Точная дата его кончины неизвестна. Ориентировочно Фёдор Кривоборский умер в 1604 или в 1605 году. На подлиннике Летописца Кривоборского имеется автограф князя Фёдора Ивановича в качестве владельца этой летописи.

Его единственным наследником стал племянник, сын рано умершего Ивана Ивановича Кривоборского, Мирон. Именно князь Мирон Иванович оказался последним в роде Кривоборских и одновременно последним владельцем семейного летописца. Судя по записям, эта летопись, возможно, была составлена для деда Мирона князя Ивана Александровича Кривоборского, который начинал ратную службу ещё при великом князе Московском Иване III, а закончил свою карьеру в конце 1540-х годов наместником в Туле.

О последнем владельце Летописца князе Мироне Кривоборском известно немного. Его молодость пришлась на события Великой Смуты начала XVII столетия. После смерти царя Бориса Годунова, убийства его сына царя Фёдора II в 1605 году при поддержке поляков московский трон захватил самозванец Лжедмитрий. Но уже в 1606-м польский ставленник был убит. Царём провозгласили князя Василия Шуйского, но против него выступили поляки, выдвинувшие нового самозванца Лжедмитрия II. Именно в это тяжёлое время, воспользовавшись неразберихой, на Русь после долгого перерыва напали крымские татары. Тогда же польско-литовские войска взяли Шую, Кинешму и Тверь, осадили Троице-Сергиев монастырь. Отряд польского «полевого командира» Александра Лисовского захватил Суздаль.

Именно в это время в феврале 1608 года погиб молодой князь Мирон Кривоборский. Обстоятельства и место его гибели забыты. Не исключено, что этот родственник воеводы князя Дмитрия Михайловича Пожарского (Кривоборские и Пожарские имели общего предка, жившего во второй половине XIV столетия, – уже упоминавшегося героя Куликовской битвы Андрея Стародубского) пал в неравной схватке с польскими интервентами.

Лишь в 1870-х годах место погребения князя Мирона Ивановича Кривоборского случайно обнаружил краевед и книгоиздатель Иван Александрович Гольшев из слободы Мстёра Вязниковского уезда. На кладбище возникшего на месте древнего монастыря Николо-Нередицкого погоста близ берега Клязьмы (позже на месте снесённой в конце 1920-х гг. церкви там было устроено охотхозяйство) он нашёл каменную плиту, надпись на которой свидетельствовала, что под ней в феврале «Лета 7114-го» (по исчислению от сотворения мира, что соответствует 1608 году от Рождества Христова) был «положен князь Мирон сын Иванович князь Кривоборской». Всего в 9 километрах от того погоста находится село Овсяниково – старинная вотчина Кривоборских (она в разное время входила в Суздальский, Ковровский и Вязниковский уезды), которая в этом качестве упоминается даже в завещании Ивана Грозного в 1572 году. Скорее всего, именно туда и привезли тело павшего в бою князя, а потом похоронили при старинном погосте.

Князь Мирон Кривоборский умер без потомства, и кому достался его Летописец – толком неизвестно. Не исключено, что им владели потомки дворянина Елизара Травина, который был женат на тётке Мирона княжне Марии Ивановне Кривоборской. Во всяком случае, Травины являлись новгородскими помещиками (однако не исключено, что их имением являлось и сельцо Травино Вязниковского уезда), а Летописец Кривоборского уже в середине XVIII столетия оказался у выходца из новгородских дворян собирателя древностей Петра Никифоровича Крекшина (1684—1763), чиновника петровских времён, одного из первых российских

специалистов в сфере генеалогии, современника и даже оппонента академика М. В. Ломоносова по вопросу происхождения Руси, автора целого ряда трудов о царствовании Петра Великого.

Известный мстёрский художник и книгоиздатель
Иван Александрович Гольшев

У Крекшина Летописец Кривоборского брал для просмотра известный историк и публицист XVIII века князь Михаил Михайлович Щербатов, который писал: «Из всех за лучший почитаю учиненные списки с летописцев одного, который я списал у комиссара Крекшина... На нем обретается подпись рукою князь Федора Ивановича Кривоборского, учиненная в 1604-м году».

В 1791 году у внука Крекшина А. М. Деденева Летописец Кривоборского приобрёл граф А. И. Мусин-Пушкин. Во время Отечественной войны 1812 года, когда Москва после захвата французскими войсками была объята пожаром, усадьба Мусина-Пушкина сгорела вместе с бесценным собранием рукописей и библиотекой. Однако Летописцу Кривоборского удивительно повезло. Незадолго до нашествия Наполеона граф отдал этот манускрипт для ознакомления своему приятелю историку-любителю, издателю и коллекционеру Платону Петровичу Бекетову, кстати, его имения находились неподалёку от бывших вотчин Кривоборских – тоже между Вязниками и Ковровом. Благодаря этому случайному обстоятельству Летописец Кривоборского, в отличие, скажем, от подлинника «Слова о полку Игореве», не погиб в пламени московского пожара.

Русский государственный деятель, археограф, историк, собиратель рукописей граф А. И. Мусин-Пушкин

Академик М. Н. Тихомиров, заново открывший и издавший Летописец Кривоборского

После революционных потрясений 1917 года Летописец Кривоборского вновь затерялся. Во второй раз его открыл уже в 1930-х годах выдающийся советский историк профессор (позже – академик) Михаил Николаевич Тихомиров. Он тщательно обследовал данный памятник и установил его близость с Симеоновской летописью и с фрагментарно уцелевшей Троицкой хроникой. Результаты своих исследований, которые не прекращались даже в годы Великой Отечественной войны, Тихомиров опубликовал в 1942 и 1945 годах. А 20 лет спустя после Победы в 1965-м (по стечению обстоятельств в год смерти М. Н. Тихомирова) Летописец Кривоборского был целиком напечатан в 30-м томе фундаментального академического издания «Полное собрание русских летописей», которое начало выходить ещё в Российской империи и продолжается и поныне. С той поры Летописец Кривоборского – неперемнная принадлежность любого исследователя средневековой отечественной истории.

Николай ФРОЛОВ
«Районка, 21 век», №25 (242)
от 09 июля 2015 г.

1.4. Увяз ли в наших местах Кий?

А был ли мальчик?
М. Горький

Давайте заглянем в «Краткий топонимический словарь», составленный В. А. Никоновым. Там даётся объяснение многих населённых пунктов нашей страны. Яхрома... Оказывается, всё очень просто. Жена князя Юрия Долгорукого, сопровождавшая мужа на охоте, при переправе через реку оступилась и воскликнула: «Я хрома!» Город, построенный на этом месте позднее, и получил такое название – Яхрома.

Смотрим дальше. Кинешма... Степан Разин с персидской княжной проплывал на стругах мимо нынешних городов Решмы и Кинешмы, и княжна сначала восклицала: «Режь мя» (т. е. «меня»), а затем рыдала: «Кинешь мя». Но всем известно, что Разин никогда не поднимался так высоко по Волге, а пленница-шамаханка не говорила по-церковнославянски.

Ещё пример. Жиздра... Река в Калужской области. Народ говорил, что на обоих берегах её стояли русские посты, сторожи. Время от времени с одного поста к другому несло: «Жив-здрав?» И в ответ: «Жив-здрав!» А поскольку через реку слова долетали слабо, конечное «в» терялось. Так и получила эта река название Жиздра.

Кий, Щек, Хорив и сестра их Лыбедь. Памятник основателям города был установлен в Киеве в 1982 году. Официальное название монумента – «Парящая Лыбедь»

Ещё? Пожалуйста: Хотьково, Ворскла, Коломна... Но, как сказано в «Словаре», все эти названия – не что иное, как топонимические анекдоты. Анекдоты? Да! Наукой здесь и не пахнет.

К такому анекдотическому объяснению можно присоединить и Вязники, когда начинают вспоминать «легенду» про князя Кия, зло правившего здесь когда-то. Когда он поехал на очередную охоту, то завяз в болоте. Жители этого населённого пункта (какого – не говорят) вышли на высокий берег Клязьмы и кричали: «Вязни, Кий, вязни, Кий, вязники...» Вот вам пример ещё одного топонимического анекдота. Мы не знаем, кто его автор, но точно знаем, когда он появился. Впервые о нём повествует в своей книге «Вязники» наш краевед, священник Константин Веселовский в 1871 году.

Смальтовая мозаика «Князь Кий – основатель Киева» на станции метро «Золотые ворота» в Киеве

Давайте попробуем доказать, что это не что иное, как лингвистико-топонимический анекдот. В легенде говорится о славянском князе Кие, правившем в наших местах в XIV веке. Но, позвольте, такого имени ни у славян, ни тем более у русских этого века не было. Ссылаются на название города Киева, который, дескать, также образовался от имени князя. Учёные до сих пор ищут князя с таким именем. Не находят...

Единственное, что удалось предположить, что на этом месте был перевоз через Днепр, и город мог быть назван по этому перевозу, ведь «кий» – это длинный шест, при помощи которого и двигался плот от одного берега к другому. В одной древней «бумаге» он (перевоз) и назван тем древним словом – «киев». Некоторым учёным очень хотелось всё объяснить с этимологической точки зрения. Они даже записали, что давно было такое мужское имя – Кий, и что по этому имени и назвали тот перевоз – Киев перевоз.

К сожалению, точного объяснения до сих пор нет. И только «Словарь русских личных имён» под редакцией Н. А. Петровского узаконил эту ошибку. Правда, там говорится уже не о длинном шесте, а о молоте (?), и говорится далее, что Кий – это имя «одного из основателей города Киева». Предположим, что в то далёкое время (полторы тысячи лет тому назад) и жил человек с таким именем. Но в наших-то местах, когда людям при рождении в XIV веке уже давали только православные имена! Да и в те далёкие, но уже исторические времена на Руси не было ни одного князя с этим именем. Да и имена трёх князей, основателей Киева, – только легенда.

«Язь! Рыба моей мечты!». Кадр из популярного видеоролика (2011 г.)

Тот, кто создал «нашу» легенду, предполагал, что Вязники как населённый пункт уже существовали в XIV веке. Теперь мы точно знаем, что не было тогда никаких Вязников, как не было и не могло быть никакого князя русского с этим именем. Это всё народная выдумка, анекдот, как мы теперь скажем. Помню, как наш поэт Юрий Васильевич Мошков возмущался появлением этой «легенды», в которой нарушен всякий логический и языковой смысл. Он говорил мне: «Давай создадим новую „легенду“! В Клязьме, в районе Вязников, водится много язей. Пусть жители нагорных деревень, уходя на рыбалку, говорили: „Пошёл на Клязьму, в „язники“ (места обитания язей)“. „Куда пошёл?“ – переспрашивали их. „Вязники“. Так, мол, и повелось – в язники да вязники, и получилось – Вязники». Однако даже Мошков не пошёл дальше этих разговоров, видя в этом полнейший абсурд.

И печально, когда местные экскурсоводы до сих пор (до недавнего времени) рассказывают гостям эту «легенду» и остаются довольны тем, что нигде, кроме Вязников, нет подобной дури, и рады, что им верят. Но уж если вы очень хотите «прославить» наш город, то, рассказывая эту «легенду», в заключение говорите, что она по красочности не уступает таким классическим примерам топонимических анекдотов, какими являются анекдоты про Яхрому, Хотьково или Кинешму. Давайте уважать и наш город, и уши наших гостей, если сами уже привыкли к этой чепухе...

Донат ОБИДИН

«НВГ плюс», №20 (33) от 22 мая 1997 г., «Районка, 21 век», №38 (256)

от 22 октября 2015 г.

1.5. «Хозяин Вязников» трижды отказывался от российского трона

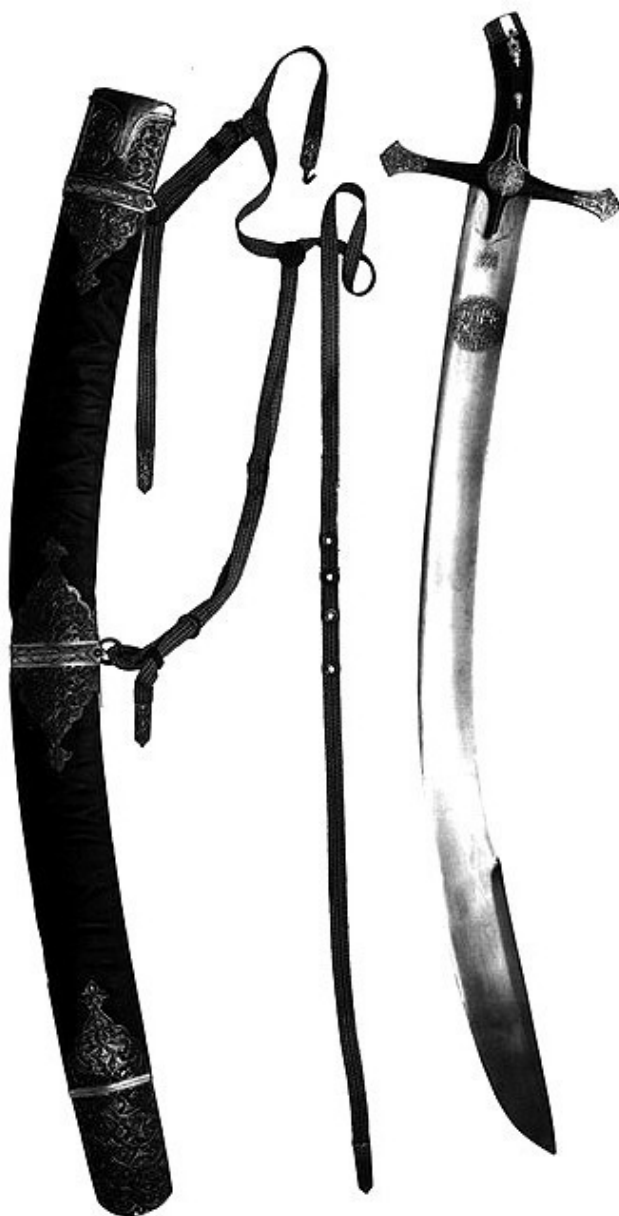
В канун Дня народного единства, который отмечается 4 ноября, учреждённого в память о событиях начала XVII столетия, когда в 1612 году ополчение князя Дмитрия Пожарского и нижегородца Козьмы Минина освободило Москву от польских интервентов, принято вспоминать о событиях четырёхвековой давности в России. Однако, несмотря на то, что они изучены достаточно неплохо, до сих пор ретроспективное внимание соотечественников в основном привлекают главные персонажи исторической драмы Великой Смуты: Борис Годунов, Василий Шуйский, те же Минин и Пожарский, Михаил Романов, патриарх Гермоген, Авраамий Палицын, Прокопий Ляпунов, Дмитрий Трубецкой, Лжедмитрий, гетманы Ходкевич и Сапега, Сигизмунд III и королевич Владислав. Но куда реже среди этих романтических, героических или зловещих персонажей встречается фигура боярина князя Фёдора Ивановича Мстиславского, которого историки по аналогии с английским графом Ричардом Невиллом Уориком – ярким деятелем времён войн Алой и Белой Розы – называли «делателем королей».

Князь Мстиславский примечателен вдвойне, так как именно ему принадлежала Вязниковская слобода и множество окрестных сёл, включая село Минино в пределах нынешней городской черты Вязников, а также Воскресенский погост на Гоголевой горе на реке Тетрух, погост Преображенский, погост Успенский на Суворовщи, Никологоры и Архидиаконский погост на Клязьме с десятками деревень. Фактически именно боярин Мстиславский являлся хозяином всей территории нынешних Вязников и значительной части его окрестностей.

Ф. И. Мстиславский – последний князь Гедиминович из рода Мстиславских, один из руководителей думской аристократии, боярин

Фёдор Иванович Мстиславский – потомок старинного княжеского рода, происходящего от великого князя Литовского Гедимина. С начала XVI века Мстиславские служили московским великим князьям, а потом и царям. Дед Ф. И. Мстиславского князь Фёдор Михайлович Мстиславский получил известность в качестве воеводы и дважды разбил татарские отряды. До сих пор в Оружейной палате хранится его сабля. Сын последнего от брака с племянницей великого князя Василия III Иван Фёдорович был боярином царя Ивана Грозного и пользовался большим влиянием при дворе. И. Ф. Мстиславский в известной мере способствовал выдающейся карьере своего отпрыска, названного в честь деда-полководца Фёдором. Правда, князь Фёдор Иванович Мстиславский, как впоследствии оказалось, не столько перенял полководческие таланты своего деда, сколько стал непревзойдённым политическим интриганом.

Сабля князя Фёдора Михайловича Мстиславского

Уже в 27-летнем возрасте в 1577 году молодой князь Мстиславский стал боярином, что примерно соответствовало нынешнему министру. Тогда же он стал первым воеводой (главнокомандующим) при походе русского войска против Крымского ханства. Заслужить такое положение в столь молодых летах в ту пору было почти нереально. Однако так как род князей Мстиславских при Иване Грозном был признан самым знатным в России после царского, то Фёдор Иванович Мстиславский стал первенствующим членом Боярской думы, в которой заседали представители высшей аристократии, после своего отца, а после его кончины возглавил бояр-думцев.

Уже в 1598 году после смерти последнего царя из династии Рюриковичей Фёдора Ивановича, второго сына Ивана Грозного, тёзка скончавшегося государя князь Фёдор Мстиславский рассматривался в качестве кандидата на российский престол. Но сам он отказался царствовать, не желая рисковать враждой с всеильным тогда шурином царя Фёдора боярином Борисом Годуновым. Став монархом, Годунов с большим подозрением относился к своему потенциальному сопернику. Лишь осенью 1604 года в разгар борьбы с самозванцем Лжедмитрием

И царь доверил Мстиславскому командование войском, посланным против «царя Дмитрия Ивановича», однако 18 декабря князь был разбит под Новгородом-Северским, получив рану в бою. Затем, однако, Фёдор Иванович одержал верх над отрядами самозванца, в том числе и над поддерживавшими его поляками 21 января 1605-го при Добрыничах (в нынешней Брянской области). Но спустя несколько месяцев, 23 апреля, умер Борис Годунов, и князь Мстиславский, не жаловавший семейство Годуновых, завязал контакты с самозванцем. Возглавлявший политический сыск при молодом царе Фёдоре Борисовиче Годунове его родственник боярин Семён Никитич Годунов, узнав об измене Мстиславского, даже отдал приказ убить князя, но вскоре Фёдор II был убит, а Лжедмитрий вступил в Москву.

Сохранив своё положение первого боярина при «царе Дмитрие Ивановиче», Мстиславский вскоре решил, что дальнейшее пребывание самозванца на престоле, при котором поляки и прочие иноземцы приобретали всё больший вес, нежелательно. Князь инспирировал заговор против Лжедмитрия, в результате которого 17 мая 1606 года тот был убит. Тогда в Москве опять заговорили о том, что новым царём надо выбрать Мстиславского. Но государем Фёдором III он вновь не стал. Рассудив, что в последние годы цари умирают на Москве слишком часто, князь Фёдор Иванович поддержал кандидатуру князя Василия Ивановича Шуйского. Во время венчания на царство царя Василия IV князь Мстиславский держал над ним Шапку Мономаха – корону московских царей. После начавшейся войны с новым самозванцем Лжедмитрием II, на стороне которого опять выступили поляки и казаки, а также во время подавления восстания Болотникова, Мстиславский стал одним из первых воевод нового царя.

Новый царь Василий IV сполна оценил помощь Мстиславского. Именно он в 1609 году пожаловал и без того обладавшему огромным богатством князю «за Московское осадное сидение в Володимерском уезде в Ярополческой дворцовой волости Вязниковскую слободку да село Монино, да Зарецкий стан, да три пятины».

Когда в июле 1610-го Василий Шуйский был свергнут, то князь Мстиславский возглавил правительство из семи бояр (семибоярщину). Ему вновь предложили трон, но Фёдор Иванович уже в третий раз от Московского царства категорически отказался. Так как Лжедмитрий II и находившиеся при нём поляки под командой воеводы Сапеги, располагавшиеся в подмосковном селе Тушине, угрожали захватом столицы, Мстиславский высказался за избрание царём сына польского короля Сигизмунда III принца Владислава, дабы власть не досталась новому самозванцу. Он объявил, что сам не хочет быть царём, но не хочет также видеть царём и кого-нибудь из своих братьев бояр, а что должно избрать государя из царского рода.

Царь Михаил Фёдорович Романов с боярами

Однако будущий Владислав IV до Москвы так и не добрался. А когда в 1612 году ополчение Минина и Пожарского выбило интервентов и их сторонников из столицы, Мстиславский участвовал в избрании царя Михаила Фёдоровича Романова. Во время венчания нового государя князь осыпал его золотыми монетами, а Шапку Мономаха на этот раз держал дядя нового царя боярин Иван Никитич Романов.

Михаил Романов подтвердил за Мстиславским пожалования всех его предшественников, в том числе и Василия Шуйского «в Ярополческой волости слободку непашенную Вязниковскую на речке на Волошне, да к непашенной Вязниковской слободке село Минино на речке на Волчнике, да за рекою стан, да горнего стану три пятины».

Нынешние Вязники могли бы стать центром обширного частного имения и, как следствие, никогда бы не стали городом, так как в позднейшей истории России во владельческих имениях новые города не учреждались. Однако брак князя Фёдора Ивановича Мстиславского с княжной Домной Михайловной Темкиной-Ростовской оказался бездетным. После кончины боярина в 1622 году его обширные владения, в том числе вязниковские вотчины, унаследовала вдова, принявшая иноческий постриг с именем Ирина (их дочь княжна Ольга Фёдоровна умерла ещё в 1609-м). После кончины старицы единственной наследницей Мстиславских стала сестра князя Фёдора Ивановича княжна Ирина Ивановна Мстиславская, принявшая в иночестве имя Александры. Она умерла 15 ноября 1639 года в московском Вознесенском монастыре, после чего огромные богатства Мстиславских были отписаны на великого государя.

Николай ФРОЛОВ

«Районка», 21 век», №42 (209) от 30 октября 2014 г.

1.6. Вязники в конце Смутного времени

Перелистывая недавно трёхтомную «Историю Российскую» Василия Татищева, в конце последнего её тома я обнаружил такие строки: «Саадашный перешел Оку, а казаки, отойдя от Волконского, стали в Владимирском уезде в Ерополческой волости и делали великие разорения». «Ерополческая волость», понятно, что Ярополческая. Но на этом обширный труд Татищева практически заканчивается. Восстановить дальнейшие события помогла книга Александра Станиславского «Гражданская война в России XVII в.» с подзаголовком «Казачество на переломе истории». Книга интересна тем, что в ней целая глава отводится событиям на Вязниковской земле, которым без малого 400 лет. Перелистаем же некоторые её страницы.

Кто интересовался историей русской Смуты, помнит ту значительную, хотя порой весьма противоречивую роль, сыгранную в ней казаками. Поэтому и отношение к ним в различных слоях русского общества было далеко не однозначным. Василий Ключевский так пишет об участии казаков в решающих битвах того времени: «В октябре 1612 года казаки взяли приступом Китай-город. Казацкие же атаманы, а не московские воеводы, отбили от Волоколамска короля Сигизмунда, направлявшегося к Москве, чтобы воротить ее в польские руки, и заставили его вернуться домой». На Вселенском соборе, избравшем нового царя в марте 1613 года, слово казаков в поддержку Михаила Романова было, по свидетельству того же историка, весомым. Бесспорно, казаки уже ощущали себя и военной, и политической силой. С избранием царя Смута не закончилась. Народное море ещё волновалось и лихо бродило по Руси. Забрело оно и в наши края. Об этом можно прочитать в одной из глав упомянутой выше книги.

Называется глава «Вязниковский лагерь» и описывает события, произошедшие вслед за переправой запорожских казаков гетмана Сагайдачного (у Василия Татищева – Саадашного) через Оку. Запорожцы поддерживали польского королевича Владислава, не оставившего надежды на русский престол, а казаки держали сторону Михаила Романова, к тому времени уже шестой год царствовавшего. Между ними был бой как раз при переправе через Оку. Рубились два дня. Сначала казацкие воеводы Волконского отбросили запорожцев на правый берег, но они вновь переправились и оттеснили казаков Волконского к Коломне. Местные дворяне их в город не пустили, а открыли стрельбу: четверых убили и многих ранили. Оказавшись между двух огней, казаки «не сердитым делом» решили на своём круге идти «кормиться» в село Высокое, что в 40 верстах от Коломны. «8 сентября, – читаем в предыдущей главе, – за два часа до рассвета они ушли от Волконского, захватив часть обозов; за ними последовали служилые татары и астраханские стрельцы. Последние по пестроте состава имели с казаками много общего».

Казачи гетмана Сагайдачного, начало XVII века (реконструкция)

Именно такое разношёрстное возмущённое «войско» появилось в наших краях спустя 20 дней после вынужденного ухода из-под Коломны. «Между тем казаки, миновав село Высокое, перешли во Владимирский уезд и остановились в Туголесской волости. Здесь они нанесли поражение большому отряду украинских казаков пана Миневского, захватив знамёна, литавры и много пленных. Затем казаки двинулись дальше на восток, 27 сентября 1618 года вошли в Ярополческую волость и в Вязниковской слободке разбили свой лагерь». Почему казаки пришли именно сюда? Случайно или у них были свои резоны? Автор уверен, что такие резоны были: «Ярополческая волость, – пишет он, – была выбрана как место стоянки казацкого войска едва ли случайно. В царствование Василия Шуйского она была пожалована возглавлявшему Боярскую думу князю Ф. И. Мстиславскому. В 1611 г. руководители Первого ополчения

решили „испоместить“ здесь дворян Вязьмы и Дорогобужа, потерявших свои владения, однако скоро волость попала в приставство к казакам, которым Заруцкий приказал „выбити“ оттуда дворян. По крайней мере, для некоторых казаков, пришедших сюда в сентябре 1618 г. это было хорошо знакомое место, где они жили и собирали „корма“ задолго до описываемых событий».

Смута постепенно заканчивалась, но не всё ещё улеглось: государственная казна была пуста, из-за невыплаты жалованья произошли крупные волнения служилых и ратных людей в самой Москве. Что уж спрашивать с казаков, людей вольных и решительных. «Первоначально, – пишет А. Станиславский, – в Вязниках расположилось 2000 казаков и 160 татар во главе с „табунными головами“. Позднее в Вязники приехали из Москвы ещё не менее 170 казаков. Во второй половине октября 1618 г. численность войска доходила до 2500—3000 человек, среди них упоминаются 12 атаманов и 16 войсковых есаулов. Ярополческую волость и часть Гороховецкого уезда казаки разделили на приставства по станицам, а внутри станиц – по десяткам: „на десять человек выть“. Для обеспечения своей безопасности они возвели в Вязниках острог, а местных крестьян заставили обнести его рвом. Острог в Вязниках был сложен из заострённых кверху брёвен („стоячей на иглу“). В него вело двое ворот с надвратными башнями, площадь острога равнялась четырём десятинам».

Относительно места нахождения острога у вязниковских краеведов нет единого мнения. Виктор Николаевич Маштафаров указывал на городскую площадь, хотя в то время она не была ещё обстроена, а представляла собой болотистую, поросшую кустарником луговину. Донат Андреевич Обидин «отводил» ему место на пересечении улиц Пролетарской и Орджоникидзе. Лев Иванович Аносов привязывает предполагаемое место острога к Муромской дороге и церкви (есть указания на нахождение её внутри этого острога). По его предположению, это район Покровского кладбища. Во всяком случае, нынешним краеведам есть над чем поразмыслить.

А пока перенесёмся вместе с автором книги в то время: «Первые дни в войске поддерживалась строгая дисциплина. Употребление и даже хранение вина запрещалось под угрозой смертной казни. Однако так продолжалось недолго: казаки стали привозить в „таборы“ вино и пиво, а хмельные напитки из мёда делали тут же, в Вязниках. Сбор „кормов“ и денег в Ярополческой волости осуществлялся подчас в жёсткой форме. Казаки забирали у крестьян больше, чем было необходимо для пропитания и экипировки, а затем продавали за бесценок коров и лошадей приезжавшим к ним „закупщикам“. Многие крестьяне, спасаясь от казаков, бежали в другие уезды („Из Ярополческой-де волости бежит беж на Балахонскую сторону через Клязьму многие люди жоны и ломаны“.) Приезжавшие в Вязники видели на дорогах убитых казаками крестьян». Из Вязников казаки ходили за добычей и в соседние уезды – Муромский, Нижегородский, Луховский, Гороховецкий.

Но и сами казаки (а с ними и местные крестьяне) подвергались опасности – нападению со стороны запорожцев. Однажды те окружили и сожгли 40 казаков в деревне, где они были на «приставстве». В другой раз казаки атамана А. Реброва одержали победу над запорожцами и отослали несколько пленных из Вязников в Нижний Новгород. «Ходют, государь, около нас литовские люди вёрст по пятнадцати и по двадцати, – писали казаки, – и бои у нас с ними бывают частыя».

Вольно или невольно казаки оказывались защитниками крестьян, но в первую очередь они ощущали себя частью, возможно, наиболее значительной, чуть ли не центром, казачьего мятежа. Иначе как объяснить следующее место из книги А. Станиславского: «К мятежному войску К. Чермного из Вязников отправилась делегация во главе с атаманом Д. Пальчиковым – казаки призывали своих товарищей соединиться с ними в Вязниках. Этот призыв не остался без ответа, чем и можно объяснить появление казаков Чермного в середине октября в районе Мурома. Во второй половине октября – в ноябре 1618 г. оба казачьих войска, вероятно, объединились».

Автор книги допускает вероятность объединения казаков в одно большое мятежное войско в Вязниках. По крайней мере, Нижегородский воевода Борис Лыков свои грамоты направлял именно сюда. 4 октября грамоту привёз можайский дворянин В. Ларионов, а 7 октября он доставил «отписку» казаков назад. 11 октября в Вязники приехали нижегородский дворянин И. Никитин и посадский человек И. Андреев и вручили казакам ещё одну грамоту воеводы Лыкова. Ответ на грамоту доставила в Нижний Новгород целая делегация из есаулов и рядовых казаков. И наконец, 20 октября нижегородский дворянин М. Коблецкий доставил в Вязники третью грамоту воеводы. Четырёх курьеров задействовал воевода в этой переписке с казаками.

Общий вид Ярополи (сейчас ул. Киселёва)

Не только из Нижнего Новгорода, но и из Москвы, порой с риском для жизни приезжали гонцы. «27 сентября с царской грамотой к вязниковским казакам выехали из Москвы белевский дворянин Иван Муромцев, бывший „загурский“ атаман Пятой Зелейщик и войсковой дьячок Юрий Десятого. До Вязников они добрались 2 октября, причём с большими трудностями: в 30 верстах от Владимира на них напали украинские казаки, и Ю. Десятого был ранен саблей. 13 октября все трое отправились из Вязников в Москву в сопровождении есаула Подковыри Родионова и трёх казаков – представители вязниковского войска везли царю челобитную, подписанную всеми станичными атаманами».

Хотя наш край играл в описываемых событиях, скажем так, «страдательную» роль, но тем не менее в истории Смуты о нём сохранилась память благодаря именно этим событиям. Он же вошёл и в историю казачества, оставшись на страницах её летописи в таких, на первый взгляд, «временных» (были здесь казаки всего-то ничего – около двух месяцев) терминах как «вязниковский лагерь», «вязниковское казачье войско», «вязниковские казаки», наконец.

Но какова же была развязка, чем всё закончилось? «Приезд в Вязники представителей московского правительства и нижегородского воеводы, – читаем дальше, – вызвал описанные в сохранившихся документах казачьи сходки и круги. Сходка, связанная с приездом в Вязники М. Колбецкого, происходила внутри острога: на церковной паперти стояло несколько атаманов, вокруг собралось около 200 казаков». Казаки требовали выплаты «полного» жалованья,

вознаграждения за своё участие в освобождении Москвы, сохранения внутреннего устройства своего войска.

Были происходившие в Ярополческой волости события маловажными, незначительными? Думается, что нет, и вот почему. В это же самое время мятеж казаков происходит и в Москве: тысячи три казаков, «проломиша за Язуою острог побегоша из Москвы». Куда? По Владимирской дороге – в Вязники: «О том, что там расположились ушедшие со службы казаки, знали, – предполагает автор книги, – хотя бы со слов П. Родионова и других вязниковских челобитчиков, приехавших в столицу ещё 19 октября». Значит, Вязники притягивали к себе казаков как центр мятежа. Казаков удалось вернуть в Москву. Но эта последняя капля, видимо, стала основанием для «боярского приговора о вязниковских казаках от 9 ноября 1618 г». Казакам было обещано жалование «перед прежним с прибавкою», оставление в станицах «всяких людей», но в дальнейшем таковых «без государеву указу» не принимать. «В соответствии с приговором 12 ноября, – читаем в конце этой главы, – в Вязники была послана царская грамота, а на следующий день находившимся в Москве представителям вязниковского войска выдали жалованье из Казанского приказа – «по четыре аршина без чети сукна аглинкова зеленово, цена по тридцать алтын аршин».

Из Вязников казачье войско двинулось в Ярославль к боярину князю Черкасскому. Летописец, видимо, значительно завышая цифру, называет 13 тысяч казаков. Как бы там ни было, вязниковские события – это не рядовое возмущение казаков, требовавших повышения содержания («кормления»), а вспыхнувший было мятеж, захвативший не одно казачье подразделение, но который удалось погасить в самом его начале, и уже, добавим, в конце Смутного времени, заключительная страница которого, так или иначе, оказалась связанной с нашей землёй.

Сергей АПОСТОЛОВ

«Маяк», №89

от 03 ноября 2009 г.

1.7. Кто плывал по Клязьме мимо Вязников 370 лет назад

Об истории судоходства на реке Клязьме написано уже немало. Однако по большей части речь идёт о XIX—XX веках – со времени появления первых пароходов и до «Зарниц» и речных буксиров. Что же касается Средневековья, то тут сведения о том, кто и на чём плывал (или, как говорят моряки и речники, «ходил») по клязьминским водам, куда менее конкретны. И тем интереснее сведения, которые содержатся в любопытнейшем документе – «Книги речных проходных пошлин и оброчных сборов Вязниковской слободы». Эти «книги», точнее лишь небольшой фрагмент от, по-видимому, навсегда утраченных больших фолиантов, хранятся в фонде «боярских и городских книг», причём почему-то среди материалов по далёкому городу Вологодского края Тотьме, отстоящего от Вязников почти за 700 километров. В данных книгах записаны проплывавшие по Клязьме мимо Вязниковской слободы у города Ярополча и уплачивавшие пошлины (иначе называемые мытом) на местной таможене 370 лет назад в далёком 1645 году. В том самом, когда умер первый царь из династии Романовых Михаил Фёдорович и на российский престол взошёл государь Алексей Михайлович, по прозвищу Тишайший, отец Петра Великого. Без преувеличения можно сказать, что на ветхих, пожелтевших от времени страницах наша, ныне достаточно сонная, обмелевшая и почти всегда пустынная Клязьма точно по волшебству оживает, а меж её берегов появляется множество весельных и парусных лодок самых разных размеров.

Струги XVI—XVII вв.

Итак, кто же плывал-ходил по Клязьме 370 лет назад? Например, в апреле 1645 года мимо Вязниковской слободы прошёл струг владимирца Дементия Иванова. Струг – плоскодонное парусно-гребное с одной съёмной мачтой и используемым при попутном ветре прямым парусом судно, длиной от 20 до 45 метров и шириной от 4 до 10 метров. На нём имелось от 6 до 20 гребцов. Гребли обычно дружно, порой даже с песнями. Известно, что иногда речные струги для защиты от разбойников могли нести от одной до четырёх небольших пушек. Некоторые струги имели так называемый «чердак» – так тогда называлась каюта. Известно, что в Вязниковской слободе существовала струговая пристань, а позже, уже при Петре I, появилась и речная верфь.

Вязниковская слобода в 1665 году

Что же касается струга Дементия Иванова из Владимира, то на нём во время апрельского захода в Вязники находились 14 человек команды. Да и само судно, очевидно, было гружёным под завязку – с него взяли пошину 3 рубля 57 копеек, большую по тем временам сумму. В августе он вновь оказался на своём струге у Вязников с 20 человеками на борту и заплатил пошину 6 рублей 39 копеек. В сентябре Дементий Иванов на том же струге вновь оказался в Вязниках. На этот раз на его борту находились 26 человек, а пошину с судна было взято 4 рубля 21 копейка. В четвёртый раз за одну навигацию всё тот же Дементий из Владимира прошёл на струге мимо Вязников в том же сентябре с 10 спутниками на борту и пошину с него взяли 3 рубля 18 копеек.

Для лучшего понимания можно добавить, что в ту пору корова стоила 2 рубля, курица – 3 копейки, а печёный хлеб – $\frac{3}{4}$ копейки за 1 килограмм. Рядовому солдату полков нового строя платили тогда месячное жалованье 90 копеек, капралу – 1 рубль 20 копеек, сержанту – 1 рубль 35 копеек, капитану – 7 рублей, майору – 14 рублей, полковнику – 45 рублей (кстати, таких полковников тогда имелось всего лишь несколько в России). Таким образом, заплативший с апреля по сентябрь только одних мытных пошин 17 рублей 35 копеек житель Владимира на Клязьме Дементий Иванов, очевидно, был богатым купцом с внушительными торговыми оборотами.

Как свидетельствуют рассматриваемые документы, по Клязьме в тот год плавали жители Москвы и Нижнего Новгорода, Владимира и Волжского Городца, Гороховца, и даже почти сухопутного Суздаля, а также слободы Холуй – в ту пору крупного торгового центра со знаменитыми Холуйскими ярмарками, и даже далёких северных Великого Устюга и Соликамска. Помимо стругов там проходили просто гребные лодки, а также острожники – очевидно, ещё более мелкие суда. Иногда шли сразу два струга или две лодки одного владельца – мини-караваном. К примеру, в июле городчанин Тарас Кузьмин шёл на двух стругах, на которых в общей сложности насчитывалось 20 человек команды, а нижегородец Семён Яковлев в сентябре шёл сразу на двух лодках, имея на каждой по четыре гребца. Так же в июле плыл сразу на двух лодках Суздальского Спасо-Евфимиевского монастыря некий не названный по имени «неводчик» – мастер по плетению неводов – рыбачьих сетей. Видимо, вместе с суздальским монастырским «неводчиком» плыли и его подручные.

В «Книге речных проходных пошин» особо отмечалось, как именно плыли суда мимо Вязниковской слободы. В одних случаях указано, что они «шли», а в других – подчёркивалось, что на них «гребли». Очевидно, «шли» суда в основном под парусами.

Примечательно, что среди «капитанов» речных судов было немало монахов и монастырских слуг. Так, в апреле 1645-го мимо Вязниковской слободы в лодке проследовали Нижегородского Печерского Вознесенского монастыря «слуга» Михаил Петров с тремя гребцами и старец Тарасий Амвросиева Николаевского Дудина монастыря на Оке, в лодке которого было девять гребцов. В сентябре вверх по течению Клязьмы в лодке с шестью гребцами мимо Вязников прошёл «Володимерского Рождественного монастыря слуга Иван Федоров». Тогда же там проплыл на струге Суздальского Спасо-Евфимиевского монастыря старец Иона, перевоза приобретённую им рыбу для своей обители.

Попадались среди проплывавших по Клязьме судовладельцев и иные колоритные личности. Например, шедший на струге нижегородец Григорий Свинопасов, или гороховецкий купец Михаил Ершов из старинного купеческого рода (в бывшем доме Ершовых в Гороховце сегодня помещается местный музей), или обладатели необычных имён: «холуянин» – житель слободы Холуй Потеха Новоселов и нижегородец Нерон Григорьев. Примечательно, что Новоселов проплывал мимо Вязников в том году два раза: первый раз в июле – на лодке, а в сентябре – на струге.

Особым видом товара, который провозили на судах по Клязьме, считалась каменная (поваренная) соль. Её везли с Каспия, с низовьев Волги. Соль тогда облагалась особой пошлиной, которую взимали на пристани той же Вязниковской слободы. Так, в 1645 году соль в стругах из Нижнего Новгорода по Клязьме везли нижегородец Пантелей Зотов, владимирец Григорий Автономов, суздальский посадский человек Осип Шишляков, богатейший устюжский купец член гостиной сотни (тогда их насчитывалось всего 158 человек) Никифор Фёдорович Ревякин (он выстроил в Великом Устюге две каменные церкви – Михаило-Архангельскую и Вознесенскую), член гостиной сотни соликамский купец Иван Григорьевич Горохов (на его струге было 14 гребцов), владимирский купец Дементий Иванов (тот самый, струг которого четыре раза проплывал мимо Вязников). Ещё соль возили владимирец торговый человек Василий Обросимов (по-видимому, это владимирский посадский человек Василий Обросимов Хмылов), а также приказчик владимирского купца гостиной сотни Андрея Денисовича Родионова. Нельзя не отметить, что именно Василий Хмылов и Андрей Родионов с братьями Патрикеем и Григорием, а также владимирский посадский человек Семён Сомов в 1649 году своим иждивением, в том числе, видимо, и на доходы от продажи соли, построили во Владимире каменную Успенскую церковь. Она сохранилась по сей день и значится как здание №106а на улице Большой Московской.

Любопытно также, что в 1645-м перевоз через Клязьму на тракте из Вязниковской слободы в Шую был отдан на год на откуп жителю Городца Степану Солнцеву, причём новый год тогда начинался с сентября. А общее руководство над вязниковской таможенной (или, иначе говоря, мытной избой) осуществлял нижегородский таможенный голова Пантелей Золотой, занимавший этот пост около трёх десятков лет.

Николай ФРОЛОВ

«Районка, 21 век», №45 (262) от 03 декабря 2015 г.

1.8. Забытый царь, дважды побывавший в Ярополче

Из полутора десятков русских царей Фёдору III особенно не повезло. Правил он недолго и в истории оказался «в тени» своего знаменитого младшего брата Петра Великого. Возможно, именно поэтому даже специалисты обычно упоминают этого государя с указанием отчества – Фёдор Алексеевич, дабы пояснить, что речь идёт о старшем сыне и наследнике царя Алексея Михайловича, третьем монархе из Дома Романовых. Между тем во многом преобразования Петра I были начаты как раз при его забытом брате, а с Вязниковским краем Фёдор Алексеевич оказался связан теснее, чем любой из российских царей и императоров. Достаточно сказать, что за 6 лет пребывания на троне он посетил территорию нынешних Вязников как минимум дважды...

Царь Фёдор Алексеевич Романов

Царь, обходившийся без переводчика

Царевич Фёдор, родившийся в июне 1661 года, изначально не считался наследником престола. После царя Алексея Михайловича, второго Романова на русском троне, должен был царствовать старший брат Фёдора царевич Алексей Алексеевич – государь Алексей II.

Уже в юности Алексей Алексеевич обнаружил выдающиеся способности и собрал отличную по меркам XVII столетия библиотеку, в том числе на иностранных языках. Однако в 16-летнем возрасте царевич неожиданно скончался. Причина его смерти до сих пор остаётся загадкой. Так наследником стал следующий по старшинству брат Фёдор Алексеевич. Вскоре его отец тоже умер, и 15-летний подросток стал государем всея Руси.

Царь Фёдор III (Фёдором I был сын Ивана Грозного, правивший в XVI столетии, а Фёдором II – удержавшийся у власти всего месяц сын Бориса Годунова) оказался правителем «переходного» типа. В нём удивительным образом сочеталось почитание традиций старой Московской Руси с пониманием необходимости перемен. Он едва ли не первым среди русских царей в совершенстве освоил иностранные языки, свободно изъяснялся и читал по-польски и по-латыни (латынь тогда служила языком международного общения, каким сегодня является английский). Поляки, в сущности, всегда не любившие «москвитов», были так очарованы новым русским самодержцем, что даже собирались избрать его... польским королём! Этим планам помешала лишь безвременная кончина царя Фёдора.

Любитель театра и противник местничества

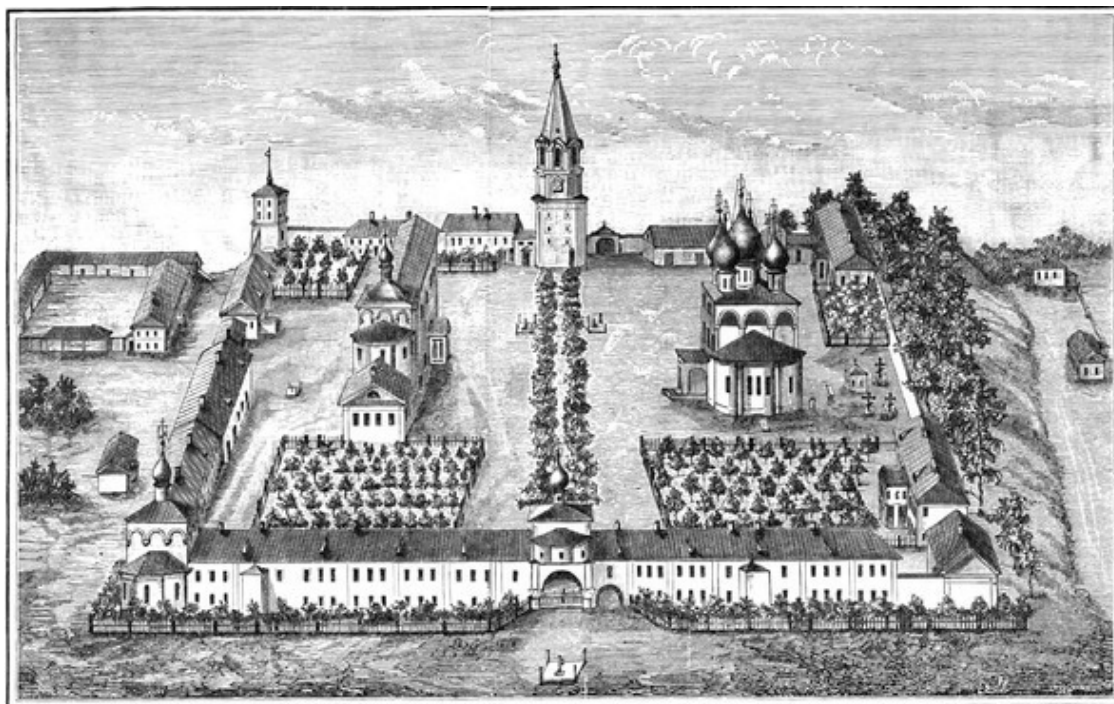
Фёдор Алексеевич первым ввёл моду в России на бритые лица: при нём придворные на западный манер брили бороды, хотя прежде не иметь бороды считалось бесчестьем. Также впервые при Фёдоре III в Москве стали носить «немецкое платье» – камзолы и кафтаны западноевропейского образца. Юный царь любил театр, увлекался музыкой и пением.

Он впервые повелел уничтожить разрядные книги: в них в течение столетий записывались все придворные и военные назначения, а дети и внуки стремились получить должности не ниже тех, на которых находились их предки. Обычай местничества (считаться местами) служил препятствием для сколько-нибудь разумной кадровой политики, так как далеко не всегда у выдающегося отца имеются столь же великие дети. Царь Фёдор решил проблему бесконечных тяжб просто: по его указу разрядные книги сожгли, уничтожив повод для споров, а назначения стали производить не «по отечеству», а «по годности».

Фёдор III впервые провёл всероссийскую перепись населения и основал в Москве Типографскую школу, позже преобразованную в Славяно-греко-латинскую академию (фактически первый столичный университет), в числе учеников которой, полвека спустя, оказался великий Ломоносов.

«Царская дорога» на Вязниковской земле

При всех этих нововведениях царь Фёдор оставался очень богомольным человеком, что предопределило его повышенное внимание к древней Владимиро-Суздальской Руси, знаменитой православными святынями. В конце 1677-го, на втором году своего правления, он посетил Ярополч-Залесский, сделал тут остановку (памятью о ней стал алмазный крест и напрестольное Евангелие с надписью: «Государь царь и великий князь Федор Алексеевич... городу Ярополчу в церковь Живоначальныя Троицы и собор Архистратига Михаила пожаловал сию книгу в 7186 году декабря в 6 день») и отправился оттуда дальше – в лесные дебри на реке Лух, левом притоке Клязьмы. Там в непролазной чаще находилась Успенская Флорищева пустынь, настоятель которой монах Иларион прославился духовными подвигами. Специально для царя в пределах нынешнего владимирского региона вязниковский воевода Иван Языков и гороховецкий воевода Пётр Лопухин построили первую междугородную трассу, так называемую «царскую дорогу», прямую, словно по линейке проведённую, протянувшуюся через вековые леса, куда прежде ни конному, ни пешему не было пути.

Успенская Флорищева пустынь Гороховецкого уезда, которую дважды посетил царь Фёдор Алексеевич

Впервые оказавшийся в подобном захолустье царь был поражён увиденным. Он проникся огромным уважением к подданным, живущим в провинции в непростых условиях, «в скудости и гладе». Государь, как мог, щедро одарил Залесские города, храмы и монастыри, а инока Илариона почитал выше многих тогдашних архиереев, сделав его своим духовником. Гороховецкий отшельник имел столь сильное влияние на царя, что когда тот собрался жениться, то невесту выбрал по совету старца Илариона. Однако счастливый поначалу брак оказался недолгим. Царица Агафья Семёновна (урождённая Грушецкая) родила царю долгожданного сына и наследника царевича Илью Фёдоровича, но умерла от послеродовой горячки. А вскоре скончался и новорождённый царевич.

Как Ярополч лишился новой крепости

Убитый горем Фёдор III покинул Москву и отправился искать утешения к иеромонаху Илариону. В конце 1681 года он повторно побывал в Ярополче, вновь проехал по «царской дороге» и прибыл во Флорищеву пустынь в сопровождении Патриарха Иоакима, где в его присутствии был освящён новый каменный собор. Правда, камень на него забрали из Ярополча, где стройматериалы на новую крепость поначалу заготовили, но потом было решено не строить новых укреплений.

Митрополит Суздальский и Юрьевский Иларион

Старец Иларион сумел утешить несчастного в личной жизни государя. Глубоко уважая подвижника, царь распорядился рукоположить его в архиепископы Суздальской епархии. Но архиепископом Иларион оставался всего три месяца. Фёдору Алексеевичу этого показалось мало, и он повелел, чтобы суздальского владыку возвели в сан митрополита, хотя

прежде архиереи Суздаля подобной чести никогда не удостоивались. Митрополит Суздальский и Юрьевский Иларион сделался едва ли не самым влиятельным человеком в Русском государстве, но «русским Ришелье» не стал и своими возможностями воспользовался лишь для «выбивания» финансирования строительства каменного «кремля» в Суздале, которым туристы и паломники любят до сих пор.

В третий раз царь до Ярополча доехать не смог

В начале 1682 года царь женился во второй раз. И здесь на выбор невесты повлиял митрополит Иларион. Новой царицей стала Марфа Матвеевна Апраксина из старинного боярского рода, представители которого имели большие имения во Владимирском и Суздальском уездах. Но царю Фёдору долгий век и счастливое супружество были не суждены. Он тяжело заболел, состояние государя постепенно ухудшалось. Последней дальней поездкой царя весной 1682-го стало посещение Суздаля. Визит монарха оказался настолько неожиданным для местных властей, что в порыве рвения на центральной суздальской улице даже сломали десятки лавок и «шалашей» – подобия нынешних ларьков, дабы расчистить проезд для царской свиты. До Ярополча молодой государь в третий раз уже не добрался – не хватило сил.

Возвратившись в Москву, Фёдор Алексеевич слёг и уже не поднялся. Он скончался 7 мая 1682 года, немного не дожив до своего 21-летия, и был погребён в Архангельском соборе Московского Кремля рядом с могилами первой жены и сына. Начатое царём Фёдором преобразование России продолжил его младший брат Пётр, причём куда более радикальными методами. Он в Ярополче уже не бывал, а в Вязниковской слободе лишь заказывал полотно и пеньку для парусов и такелажа своего любимого детища – военного флота.

Николай ФРОЛОВ

«Районка, 21 век», №31 (248) от 27 августа 2015 г.

1.9. Как Ярополч-Залесский был церковной столицей

Сейчас уже почти лишь одни специалисты-историки помнят, что в течение полутора с лишним десятков лет город Ярополч – предтеча нынешних Вязников – являлся титулярным центром Владимирской епархии, второй церковной столицей наряду с Владимиром на Клязьме. Старинная Владимирская епархия, появившаяся ещё во времена великого князя Всеволода Большое Гнездо, была упразднена на рубеже XIII—XIV веков. С тех пор Владимирский край входил в митрополичью, патриаршую и синодальную область, а повторно самостоятельная владимирская архиерейская кафедра была воссоздана лишь при дочери Петра Великого императрице Елизавете Петровне. В начале марта нынешнего года исполняется 270 лет с тех пор, когда императрица Елизавета в 1744 году своим повелением объявила о восстановлении Владимирской епархии, а её вторым центром (по традиции православные епархии имеют сразу два центра – главный и титульный) был почему-то назван Арзамас – город нынешней Нижегородской области, который тогда также находился в ведении владимирского архиерея.

Императрица Елизавета Петровна, сделавшая Ярополч второй церковной столицей

С самого начала было решено, что первым епископом Владимирским и Арзамасским станет настоятель Рождественского монастыря во Владимире Платон (Петрункевич), потомок малороссийского (украинского) дворянского рода, пользовавшийся славой прекрасного проповедника и опытного администратора. Однако больше проживавший в Петербурге, чем во Владимире, архимандрит Платон вовсе не спешил становиться епископом и уезжать из столицы.

Только 21 марта 1748 года, спустя долгих четыре года, состоялась хиротония владыки Платона. Однако наречён он был епископом Владимирским и Яропольским, а не Владимирским и Арзамасским! То есть вторым центром епархии официально был признан город Ярополч-Залесский, в ту пору уже находившийся в явном упадке. Почему в качестве титульного (второго) центра Владимирской епархии вместо Арзамаса признали Ярополч, неизвестно до сих пор.

Троицкий собор в Вязниках – памятник «столичному» статусу бывшего Ярополча

Малороссийский генеральный хорунжий Николай Ханенко записал в своём дневнике об этой хиротонии: «В дворцовой большой церкви посвящен епископом в Владимир и Ярополч архимандрит рождественский володимерский Платон Петрункевич, а посвящал оного митрополит киевский, преосвященный Тимофей Щербацкий, с сослужащими с ним епископом псковским Симоном Тодорским, архиепископом С.-Петербурским Феодосием Янковским, епископом великоустюжским Варлаамом и несколько архимандритами в присутствии ея императорскаго величества и их императорских высочеств».

В новом епархиальном центре Ярополче, который епископ Платон впервые посетил лишь в 1749 году, было запланировано строительство нового каменного собора. Однако его возведение долго откладывалось. Работы стартовали лишь в 1756-м – в последний год жизни владыки Платона – и были выполнены при его преемнике архиепископе Владимирском и Яропольском Антонии I (царевиче Багратионе) к 1761 году. Пятиглавый Троицкий собор с высокой шатровой колокольной на Ярополческой (Мининой) горе стал памятником Ярополчу-Залесскому – епархиальному центру.

Местной церковной столицей Ярополч-Залесский оставался 16 лет. Титул архиереев Владимирских и Яропольских носили три владыки: Платон (Петрункевич), Антоний (Багратион) и Павел III (Гребневский). Однако в 1763 году к Владимирской и Яропольской епархии был присоединён Муром с округой, который ранее находился в ведении рязанских архиереев. В ту пору в Ярополче и Вязниковской слободе с округой насчитывалось 64 церкви, а в Муроме и его

окрестностях – 138 храмов. Поэтому правившая тогда императрица Екатерина II сочла, что вторым центром епархии должен стать более крупный город с большим числом православных церквей. 14 июня 1769 года царица утвердила новое наименование Владимирской епархии, которая стала именоваться Владимирской и Муромской. Соответственно был изменён и титул епископа Павла, который всего лишь год был Преосвященным Владимирским и Яропольским. Екатерина II повелела ему писаться епископом Владимирским и Муромским, указав, что так будет «именоваться пристойнее».

Так завершился краткий период возвышения Ярополча-Залесского в качестве церковного центра, памятником чему до наших дней остаётся величественный Троицкий собор.

Николай ФРОЛОВ

По материалам сайта Вязники.Ру.

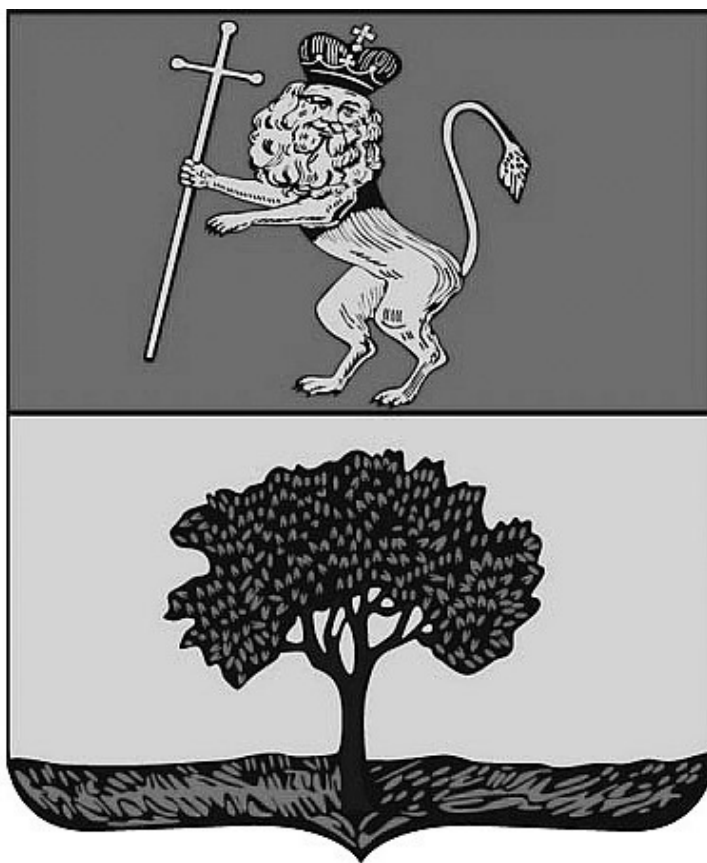
1.10. Зелёный Вяз на жёлтом поле

Этот материал стал в 2009 году победителем городской и областной конференции исследовательских работ школьников движения «Отечество». Печатается в сокращении.

С древнейших времён герб является символом и отличительным знаком государства, города, рода или отдельного лица. Он составляется по определённым правилам, принятым в данной стране в тот или иной исторический период, и утверждается специальными законодательными актами.

Вязниковский герб в дореволюционную эпоху

2 марта 1778 года одним из своих указов императрица Екатерина II учреждает Владимирское наместничество, а назначенный наместником граф Р. И. Воронцов получает высочайшее предписание объехать свои владения и определить штат уездных городов. С марта по июнь длится поездка, в ходе которой он посещает десятки мест, в том числе и Вязниковскую слободу. На основании своих наблюдений Воронцов предлагает преобразовать слободу в город, что и было сделано спустя несколько месяцев 1 сентября. А спустя ещё три года новоявленный город получает свой герб.

Герб Вязников, выполненный Александром Волковым

По всей видимости, его автором стал герольдмейстер департамента герольдии Правительствующего Сената, статский советник Александр Андреевич Волков.

В описании к вязниковскому гербу говорилось: «В верхней части герба на красном фоне поместить изображение льва в железной короне и с серебряным крестом в лапах, а в нижней части – зеленый вяз на желтом поле, так как оных в том месте произрастает во множестве...»

Таким образом, по своему характеру он относился к так называемым «говорящим» гербам, то есть таким, в рисунке которых раскрывалось значение города. В нашем случае – вяз – Вязники.

Следует заметить, что с течением времени городской символ претерпел ряд изменений и окончательно оформился лишь к 30-м годам XIX века. Его подробное описание закреплено в «Полном собрании законов Российской империи»: «В верхней части герб Владимирский: в красном поле, стоящий на задних лапах лев, имеющий в голове железную корону, держит в передней правой лапе длинный серебряный крест. В нижней – дерево вяз в золотом поле, означающий имя сего города».

С момента своего появления герб широко использовался как официальный символ Вязников и органов городской власти. По воспоминаниям краеведа С. Змеева, резное изображение герба украшало здание Вязниковской городской думы вплоть до революции 1917 года.

Граф Роман Илларионович Воронцов – консультант и соавтор
А. Волкова

Был он изображён и на отличительном знаке «городского головы», который изготавливался по специальному заказу и носился представителем высшей администрации на груди на массивной цепи. Сейчас этот уникальный «свидетель» прошлых эпох хранится в Вязниковском историко-художественном музее.

Отличительный знак «Вязниковского городского головы», 16.06.1870 (хранится в Вязниковском историко-художественном музее)

Изображение герба использовалось и в оформлении других должностных знаков, принадлежавших представителям низших структур местной власти. Так, в фондах того же музея имеется медная бляха сотского, нашивавшаяся на одежду. Печати с изображением герба ставились на паспорта жителей Вязниковского уезда, на свидетельства об окончании учебных заведений, на билеты общественного банка и другие документы.

Старались использовать герб для рекламы своей продукции и местные предприниматели. Правда, ради этого им приходилось идти на разного рода ухищрения, так как правом изображать городской символ обладали лишь представители местной власти. Известно своеобразное

использование этого отличительного знака льнопромышленником В. Ф. Демидовым: на щите, всю площадь которого занимает изображение вяза, в правом верхнем углу находится «владимирский лев», а в нижней части – тук ткани с инициалами владельца – В.Д.

Вязниковский герб верой и правдой служил городу и уезду более 130 лет, пока не наступили революционные времена, и на смену старой символике не пришла новая.

История городского герба в XX веке

После установления в Вязниковском крае Советской власти городской герб стал постепенно уходить в забвение. Оно длилось несколько десятилетий, вплоть до середины прошлого века. Известен случай, когда в 1967 году газета «Маяк» опубликовала письмо вязниковца Морозова, в котором отмечалось, что «за последние годы многие города нашей Родины вернулись к одной из наиболее интересных традиций – учреждению своих гербов. Одни почти без изменения повторяют содержание гербов, существовавших в далёкие времена, другие – видоизменяют их, третьи – создают новые». В своём письме автор предложил исполкому горсовета принять решение об учреждении герба города Вязники к 50-летию Советской власти. Возрождение отличительного символа произошло в конце 60-х годов XX века и было связано с развитием туризма и организацией маршрута «Золотое кольцо России», проходящего через древнейшие города – Владимир, Суздаль, Кострому, Ярославль и другие. В так называемое «Малое кольцо» вошёл тогда и город Вязники.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.